

ПАВЛО ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЫ

КНИГА М. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО

FOLIO

Михаил Павлович Загребельный

Павло Загребельный

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314466

Павло Загребельный: Фолио; Харьков; 2011
ISBN 978-966-03-5648-1

Аннотация

Сын украинского писателя Павла Загребельного, которого еще при жизни называли классиком, – Михаил написал о своем отце книгу. «Павло Загребельный» – так называется книга-биография, которая увидела свет в издательстве «Фолио». Издание содержит девять разделов. Пять интермедий. Среди действующих лиц – убийцы украинской советской литературы, национальные дураки, крестьяне села Солошино, лейтенант артиллерии Загребельный, Михаил Резникович, князья, султаны, диктаторы...

Содержание

Убийца советской украинской литературы	4
Беседа с президентом Кучмой о национальных дураках	16
Село Солошино. Прощание с патриархальной Украиной. 1924—1941	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

М. Загребельный

Павло Загребельный

Убийца советской украинской литературы

Павло Загребельный (1924—2009) говаривал: если сподобятся издать его посмертно да еще с предисловием, то к Ниле Зборовской следует обратиться.

Чем Зборовская пленила Загребельного? Возможно, своими размышлениями о причинах ненависти большевиков к Пантелеймону Кулишу (1819—1897): «Ведь это был первый украинский аналитик, который радикально осудил анархических запорожцев, назвав их «социалистами, коммунистами и нигилистами» в свое время».

В романе «Тысячелетний Николай» (1991) Загребельный попробовал обозначить три главных психологических и исторических типа украинцев. Назвал их так: смерды, казаки, гайдамаки. Толкуя свои идеи, вспоминал конец 1940-х, кампанию против космополитов. Тогда топтались по «безродному гражданину мира» Эдуарду Багрицкому (1895—1934), автору «Думы про Опанаса»: «Украина! Мать родная! Молодое жито! Шли мы раньше в запорожцы, а теперь – в бан-

дити!»

Багрицкого обвинили в клевете на вольнолюбивый и благородный украинский народ. В хоре обличителей солировал тогдашний секретарь ЦК КП(б) Украины по пропаганде и агитации (1944—1950) Константин Литвин. Без малого 40 лет спустя он же, не утерев бдительности, выступил заодно с советскими украинскими эпигонами Павла Федоровича Смердякова против «шкідливої ідеології» Павла Загребельного. А через 60 лет по Загребельному, как и по Багрицкому, после смерти, топчется неугомонная группа товарищей – «все позволено» и т. д. и т. п. На независимой Украине, где смерды и бандиты уже разделили кабинеты с правительственными телефонами со смердяковыми-шариковыми, увы, канула в Лету вычурность минувших дней. Эка невидаль – обозвать Загребельного «мародером». Сравним: вот Смердяков по Гоголю проходит: «про неправду все написано». А вот с трибуны вождь украинского агитпропа вещает, выдержанным слогом, на ценителя, ведь у него за спиной в президиуме в 1947 году сидят Каганович и Хрущев: «Спостерігається якась боязнь сміливо ставити питання... відсутні жвавий обмін думками і атмосфера товариської дискусії, немає здорової більшовицької критики...»

Что же забравшихся в княжеские палаты смердов и приодевшихся на заморские стипендии смердяковых взбесило? Утверждение Павла Загребельного, что доля независимой Украины, как и судьба Панька из Балты, «туманом повита»?

Автор говорит, что «Николая...» написал ради одной фразы, в завершение книги:

«...а ми знов, як тисячу років тому, пливемо кудись по темному морю за чужими богами для свого зневіреного народу і не відаємо, яких же богів привеземо цього разу, яких пресвітерів, які ікони, які молитви».

Несколькими строками выше Загребельный цитирует Кулиша: «Народе без пуття, без честі і поваги, / Без правди у завітах предків диких, / Ти, що постав з безумної відваги/ Гірких п'яниць і розбишак великих...»

Богдан Хмельницкий и Евпраксия, «Кто за? Кто против?», Роксолана, поэты и султан, Сарданапал и Валтасар, Юлия и Приглашение к самоубийству, Афродита Родосская и Мелания Андрофонис, критики-петушки Подчеревный и Слимаченко-Эспераго, Тысячелетний Николай и хлястики на шинели Генералиссимуса – немало образов и тем занимали моего отца.

А любовь? Не просто любовь – истинное желание, пойманное за хвост. Лингвист из Харькова Ирина Ходарева защитила кандидатскую, моделируя лексико-семантическое и ассоциативное поле любовь у Загребельного. Собрала картотеку, куда занесла более 3500 контекстов любви из его книг.

«Сможет ли литература спасти мир? Вряд ли. Точно так же, как и политика. Но плохая политика может погубить мир, литература же может и должна помочь человеку отринуть чувство беспомощности перед угрозами, должна на-

учить людей понимать их силу и их слабость, донести до нашего сознания ту истину, что для новых битв и надежд народу нужна не только сила, но и память, – размышляет Загребельный в послесловии к роману «Я, Богдан (Исповедь во славе)» (1983). – Литература – это отнюдь не то, что непременно расхвалено и вознесено. Настоящая литература чаще вырастала даже из непонимания, нежели из пустых похвал. Поэтому для меня самое ценное – это не тогда, когда хвалят, а когда понимают.

Для меня лично каждый читатель – это зеркало. Ты идешь среди зеркал, отражаешься в каждом и в каждом неодинаково. Для одних ты, может, интересен, для других – скучен, для третьих – смешон, для четвертых... Многообразие восприятий нет конца, и это всегда нужно иметь в виду.

Как это сделать?

Никто не знает! Мы пускаем свои книжки в свет и должны быть готовы ко всему – к добру и злу – в равной мере. Но главное желание писателя, чтобы тебя поняли – для этого стоит и нужно жить».

Биография Загребельного – годы, отданные службе Союзу писателей Украины (СПУ). Журнал «Вітчизна» (1954—1961), газета «Літературна Україна» («ЛУ») (1961—1963), секретариат СПУ (1964—1986). Нравы окружавших его столоничальников комментировал в рифму: «Не кочегары мы, не плотники. Мы канцелярские работники», «Ты картина – я портрет. Ты скотина – а я нет». Он побывал на пике совет-

ской карьеры: членом ЦК Компартии Украины, депутатом Верховного Совета СССР.

Оставил массу зарисовок с бюрократических будней. Вот товарищ Жмак (роман «Изгнание из рая», 1984): «В соответствии с уровнем своих собеседников, товарищ Жмак демонстрировал и безграничную гамму телефонного слушания. В этом деле он был неутомимо-изобретательным, так, словно закончил специальные курсы по умению слушать телефон. Со стороны это выглядело так:

- Ну, слушаю!..
- Так, слушаю...
- Так, так, слушаю...
- Слушаю вас...
- Слушаю вас внимательно...
- Слушаю вас очень внимательно...
- Слушаю вас чрезвычайно внимательно...
- Слуш...
- Сл...
- С...

А потом уж просто – ах! И заглатывает товарищ Жмак воздух полной грудью, и замирает, а провода гудят, а простор гремит, и слова летят, словно чайки в песне Дмитра Гнатюка, – какая радость и какое блаженство!

Тут еще нужно несколько слов для описания товарища Жмака, чтобы вы случайно не перепутали его с кем-нибудь и узнали, как только встретите. У товарища Жмака огромная

голова (чтобы держать в ней все указания), лицо просторное, так что на нем свободно вырисовывается и надлежащая угодливость (для всего, что выше), и грозы, и вьюги (для всего, что ниже). Туловище у товарища Жмака весьма плотно и целесообразно обложено мышцами, для того чтобы в нужный миг наклоняться (или склоняться) в нужном направлении. Когда человек склоняется-наклоняется, то невольно (по законам земного тяготения или какой-то там эволюции) приходится отставлять одну часть тела для противовеса. Не будем скрывать: у товарища Жмака было что отставлять для противовеса. Одним словом – человек солидный и голосом, и осанкой, не говоря уже о положении и авторитете».

Биография писателя – сонм его толкователей.

Профессор В. Панченко и примкнувшие к нему в поте лица, по-сизифовски, разрабатывают пласт: «Без Загребельного». Судя по изначальным рефлексиям, нам предстоят открытия. Возникает стойкое ощущение того, что планку изысканий по Виталию Коротичу («Нарцисс Хамелеонович») все выше и выше поднимут. Кому Павло Загребельный, Виталий Коротич – враги народа (по прокурору Вышинскому). О вкусах не спорят. Кому – доктор Стокман (по пьесе Генрика Ибсена «Враг народа» (1882)). Мне же отдельные «созерцатели» (украинские копии одноименной картины Крамского) и их многотиражки напоминают воспитателя сына Сулеймана, Мехмеда, по имени Шемси-эфенди. О нем в разговоре с султаном Роксолана отзывалась лаконич-

но: «Этот наполненный пустословием и глупостью мешок».

Писатель Вячеслав Медвидь оглашает приговор: Загребельный – убийца советской украинской литературы. Потому как он есть первый украинский бестселлерист.

«Украинский писатель, – отмечает Медвидь в резолютивной части непреклонного решения, – все еще не соглашается на роль и судьбу Фауста или Марка Проклятого, но все, не сознаваясь, носят в торбе знак своего злодеяния и своего проклятия».

Олесь Гончар (1918—1995) в своих «Дневниках» оставил масштабный портрет Загребельного в интерьере его собратьев по цеху советской украинской литературы, (по Медвидю) проклятых, отверженных скитальцев, которых не примет ни земля, ни ад. За несколько дней до смерти, в реанимационной палате, сокрушается: «Але Павло? Це при його феноменальній пам'яті на числа, на людей, на події. Боже, прости земляка!»

В 2010 году «Дневникам» Гончара посвящает монографию более чем в полтыщи страниц досточтимый ректор одного из бесчисленных отечественных университетов, полтавского педагогического, Николай Степаненко. В пике инквизитору Медвидю велеречивый знаток родимых литераторов удостоил их определений векопомно глубочайших.

Инженеры человеческих душ (по Ю. Олеше), оказывается, есть не кто иные, как «дети нашего народа»! Крутая научная новизна, что и говорить. Всем по серьгам, по параграфу

каждому «дитю» отвесил полтавский Андре Моруа. И озаглавил:

Тычина – поэт планетарных масштабов.

Бажан – самоотверженный созидатель нашей культуры.

Симоненко – витязь украинской поэзии.

Драч – поэт-патриот.

Костенко – наибольшая поэтесса Украины.

Олійник – поэт-стоколос (по Словарю Б. Д. Гринченко, Киев, 1909, стоколос – *Bromus mollis* L., сорняк. – *Авт.*).

Павлычко – поэт от Бога.

Коротич – понятное дело, из ряда вон. «От похвалы до хулы».

Обидно мне за отца, – почему-то не посвятил ему земляк разделчик. Ведь сколько у Олеса Терентьевича нашлось бы для него заглавий. Например: «Покруч (по-русски: ублюдок. – *Авт.*) эпохи».

А Роксолане казалось, что сам пророк ненавидел поэтов, о чем сказано в Коране: «Они извергают подслушанное, но большинство их лжецы. И поэты – за ними следуют заблудшие. Разве ты не видишь, что они по всем долинам бродят и что они говорят то, чего не делают...»

Как это согласовать и можно ли вообще согласовать? Ее повелитель, султан в ответ снисходительно вздыхал, поглаживая маленькую гяурку по щеке: «У тебя не хватило терпения прочитать дальше. А дальше в Книге написано: «... Кроме тех, которые уверовали, и творят добрые дела, и по-

минают Аллаха много».

Как же осмелился на «детей нашего народа», «стоколо-сов», поднять руку Павло Загребельный?!

Вместо того чтобы возвеличивать родную культуру, открывать штучки, равные «Плачу над градом Кия» благородного пера шотландского инокa XIII века Риангабара! В переизданных в 2008 году издательством «Веселка» в количестве 5000 экземпляров «Дневниках» Олеса Гончара тайна кельтского монаха осталась нерасшифрованной. Очевидно, окормляя ими за счет государственного бюджета библиотеки, «Веселка» таким образом поощряет любознательность молодых.

Придирчивый читатель хочет разведать, что же собой представляет орудие убийства советской украинской литературы? Их два. Простая портативная механическая пишущая машинка («Колибри», «Оптима» из ГДР). Авторучка «Паркер» с золотым пером, заправленная паркеровскими же черными чернилами. Свидетель тому – Вера Павловская, которая с 1970 года до середины 1990-х все произведения писателя перепечатывала на чистовик для подачи в редакции. Поначалу пропорция машинописных и рукописных листов, без полей, интервалов составляла 50:50. Одна страница равнялась примерно 3,5 страницам, отпечатанным по издательским стандартам. С начала девяностых Загребельный пишет исключительно авторучкой. Пробовал и компьютер. Не смог: «Рука чувствует бумагу, каждую букву. Пусть это и старо-

модно...»

Посему автор «Дневников» по адресу Загребельного чуть-чутьку необъективен: «Є так звана «набалакана проза» – белетристика найгіршого гатунку в сучасній літ(ерату)рі. На жаль, вона поширена і завдає дедалі відчутнішої шкоди. Бо компрометує художню творчість в очах читача. Уже, здається, не всі й вірять, що справжній твір пишеться кров'ю серця. Яка там кров, коли можна просто накладати на машинці!»

В самый, если полагаться на статистику, плодovitый этап своего творчества, с 1957 по 1984 год, Загребельный и «наклацал на машинке», и написал от руки 19 романов, несколько киносценариев, в том числе совместно с Сергеем Параджановым, три пьесы в соавторстве с Михаилом Резниковичем.

«Я не принадлежу к людям, мечтавшим стать писателем с детства. Стихов никогда не писал и не пишу – не знаю, как это делается. Мне кажется, поэты – люди глубоко ненормальные, – рассказывает Загребельный. – Салтыков-Щедрин говорил, что выдавать рифмованные строки – все равно что ходить не по полу, а по веревочке. Хотя я очень люблю поэзию, если она настоящая. Она дает чувство языка, учит умелому обращению с ним.

От рассказов я перешел к романам, а вообще сочинительство – это извращение. Ни один нормальный человек не будет мучительно составлять из 32 букв алфавита разные комбинации».

Биография писателя – не биография нормального человека.

Мне кажется, несмотря на десятки книг, несколько киносценариев и пьес, Загребельный не проявил себя так, как мечтал. Не случайно героя романа «Разгон» (1975), академика Карналя, он срисовал с великого ученого Глушкова. Глушко в 1970-х советская бюрократия не позволила осуществить грандиозные замыслы компьютеризировать СССР. Загребельного советская культура и завистливые украинские писатели-побратимы попытались зачеркнуть как писателя и человека. Бой продолжается.

Биография писателя – память о корнях, стремление к вершинам.

«И всякий раз убеждался: видишь вокруг множество людей, но не себя самого, – размышляет Карналь. – Себя все же выдумываешь, так же, как и собственный голос, которого почти никогда не слышишь и не узнаешь, когда звучит он, к примеру, по радио. От этого неумения увидеть себя самого порой рождается ощущение бессилия. Ты только такой, как есть сегодня, а не такой, каким был и когда-то будешь. Ты похож на время, отмериваемое часами: часы показывают только эту минуту, и ничего больше – ни назад, ни вперед. Люди, от природы не наделенные силой превышать самих себя, охотно подчиняются автоматизму времени; и тогда воцаряется настроение жить только нынешней минутой, плыть по течению, полагаться лишь на собственные усилия, забывая

о корнях, не заглядывая на вершины. Тогда думать о жизни своей страшно, потому что схватываешь лишь концовку, лишь ближайшее, все предыдущее тонет в целых океанах событий, которые ты и не берешься вообразить, ни перечесть, и такой человек как будто и не жил, а лишь присутствует нынче при развязке собственной жизни. Все уже произошло будто за пределами его опыта: любовь, ненависть, мужество, страдания, измены, дружба, выдержка. И не понимают такие люди, что, возвращаясь к самому себе, жаждешь снова сравняться с собой в минуты наивысших взлетов и чувствуешь всякий раз, как это мучительно трудно, а то и вообще невозможно. Так идешь вперед, вечно возвращаясь назад, отбегая, чтобы разогнаться, как маленький мальчик, чтобы перепрыгнуть лужицу, или чемпион мира, который, прежде чем осуществить прыжок за отметину мирового рекорда, отходит назад».

Беседа с президентом Кучмой о национальных дураках (Интермедия)

Рубеж тысячелетий. Президент Украины Леонид Кучма пригласил писателей, издателей, официальных классиков независимой Украины, державных мужей. Вышел, как пост-модернисты выражаются, форменный дискурс. Там стали и судить, и рядить, как украинскую книгу, а лучше СПУ, пестовать.

Мало ее на Украине издают. Еще меньше читают. И еще меньше покупают. Доколе терпеть засилие воскресшего инока Риангабара (в миру Юрия Винничука) да современных дамочек (так назидательно отозвался Гончар о Соломин Павлычко (1958—2000) из-за ее перевода на украинский «Любовника леди Чаттерлей»)! Не дадим скатиться СПУ в пропасть, где уже нашел свое безвестное место ее пропащий рупор, газета «ЛУ» (наша дацзыбао, по определению Александра Сизоненко).

«Пусть государство деньжат подкинет, – потребовал Юрий Мушкетик, шеф украинского филиала придуманного Сталиным и Максимом Горьким Союза писателей, а ныне Национального СПУ, – вот мы их по-братски поделим в издательствах «Український письменник» (бывший «Радянсь-

кий (советский) письменник») и «Дніпро». Их отныне следует величать как национальные и финансировать из государственного бюджета. Да не оскудеет рука подающего национальным талантам!»

Воцарилась глубокомысленная тишина. Все замерли в ожидании соломонова вердикта. Что же Данилыч решит?

«Национальное издательство, – вмешался пенсионер Павло Загребельный, – это пустая смена вывески. Ничего больше. К слову, есть ли различия между национальным дураком и просто дураком?»

Снова пауза. Ее оборвал Леонид Данилович: «Нет никаких различий».

«В середине 80-х мне пришлось побывать в Ботсване, – продолжил Павло Архипович, – где на территории, сопоставимой с украинской, на миллион жителей приходится три миллиона коров, миллионов с пять овец и коз и один писатель. Вот мне сдается, что скоро и у нас останется один писатель, да и тот в бронзе, на Каневской горе... Наша нищета – она государственная или национальная?

Если государственная, то за это отвечает государство, а если национальная, то отдувается нация, сиречь никто. Народ сводят до состояния голодранцев для того, чтобы откуда-нибудь выскочил очередной моисейчик. Лекарю, излечися сам. Не следует ничего просить. Следует вспомнить, как жили вчера. Литература не требовала дотаций – она приносила прибыли. И кино давало ежегодно полмиллиона чистой

прибыли в ценах 70-х. Театры не роскошествовали, но и не погибали. На библиотеки выделяли ассигнования...»

Так было на Украине советской. На Украине после 91-го Загребельного обвинили кроме всего прочего в пристрастии к коммунистическому правописанию. Когда в 1984 году его роман «Разгон» издали тиражом 700 тысяч экземпляров в Китае, то на обложке фамилию Загребельный транскрибировали как Тлагле-белни: в Поднебесной звук «з» в начале слова не используют, а звук «р» не имеет место быть. На немецком языке в архивах Третьего рейха родное село плененного лейтенанта Солошино транскрибировали как Золошино.

Какого рожна понаехавшие чудаки и безработные из диаспоры заставляют нас на англо-американский манер твердить: «в Украине»? И «Заповіт» Тараса Григорьевича им не указ: «...Серед степу широкого /На Вкраїні милій/...»

Сельская учительница маленького Павла Людмила Петровна Демченко поясняла, что словосочетание «на Украине», в отличие от общепринятого «в России, во Франции, в Германии», употребляют по аналогии «на Урале, на Кавказе, на Кубе, на Мадагаскаре», потому как Украину издавна воспринимали все будто поднятой над материком и над всем миром благодаря своей истории, своей первородности во всем славянском мире. Как отголосок исторического наследия от Киевской Руси в русском существовало написание «на Руси», но в России династии Романовых оно не прижилось. На Украине династий депутатов Верховных Рад забыли

и песню про Байду: «...Будеш паном на всю Вкраїночку!», целый корпус песен времен Богдана Хмельницкого: «А на тій Вкраїні високі могили, /Сизокрил орел літає.»

Еще Загребельный недоумевал по поводу лозунга «розбудова держави». Сей клич, на его взгляд, завершился пшиком. По Цыбулько, «роздубова держава». Как при батьке Махно! Вперед в никуда! И беда в первую очередь не в повальной лжи, казнокрадстве, воровстве. Торжествуют случайные калифы на час, недоучки.

«Они – самые жестокие, потому что мстят людям и всему свету за свою неполноценность, неустойчивость и незаслуженность своего положения, – ставит Загребельный недоучкам диагноз в романе «Южный комфорт» (1983). – Вечный страх: вот-вот спихнут так же, как перед этим он спихнул кого-то. И слепая жестокость ко всему, что выше, достойнее, благороднее».

Село Солошино. Прощание с патриархальной Украиной. 1924—1941

Откуда происходит фамилия Загребельный? Может, от слова «гребля» – плотина. Или от названия пресных коржей, печенных в пепле, «загребы»? Слово Хмельницкому. Завтра он отправляется в тяжкий путь в Крым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.